

психолого-педагогические исследования

Торшилова Елена Михайловна,
доктор философских наук, профессор,
заведующий Лабораторией теоретических основ
социологии и психологии художественного образования
ФГНУ «Институт художественного образования»
Российской академии образования, Москва
etorsh@mail.ru

**Ценностные ориентации и художественный вкус
современных детей и подростков**

Сколько бы ни соблазнительна была точка зрения, что посыл любого достойного произведения искусства весь насквозь эстетический и так и воспринимается, ребенок (и любой другой человек, включая меня) все равно оценивает это самое произведение по разным жизненным основаниям, интересам, установкам, привязанностям и личностным особенностям. Включаются в восприятие, кроме того, и представления ребенка о смыслах и функциях искусства, так или иначе – о нормах «хорошего» и «плохого», хорошо или плохо «деланного» произведения искусства, которые он приобрел прижизненно, и т. п. Поэтому мы предлагаем дальнейшее описание наших общих результатов тестирования вкуса, стараясь разделить, но часто смешивая все такие ориентиры детского выбора: прежде всего мировоззренческие, эмоциональные и эстетические. Разъединяются (и воюют) они, на мой взгляд, когда побеждает тот или иной ориентир вопреки другому. Например, радостная интонация произведения всегда у большинства детей и подростков побеждает грустную, независимо от его эстетических достоинств. Зато грустная «классика» часто побеждает грустную поделку. А вот радостная поделка грустную классику переигрывает, как правило.

Поэтому в анализе особенностей художественного вкуса современных детей и подростков мы вычлняем, как основание предпочтения, по своим догадкам и по мотивировкам ребенка или подростка, мировоззренческие ценности, которые определяют вкусовые предпочтения в искусстве, эмоциональные ориентации современных детей и эстетические ориентиры, актуализированные подростком при конкретном восприятии произведения искусства.

Как отражается на видении искусства современный выбор подростками жизненных ценностей? Иерархию ценностных мировоззренческих ориентаций современных детей и подростков мы исследовали в течение пятнадцати лет. Выбранные детьми ценности я и сопоставляю с их художественными предпочтениями.

Покой. Стабильность

Не вызывает сомнений, что жизненные ценности, которые оказались значимы сегодня в восприятии искусства растущими детьми, – результат жизни в эпоху перемен. На стремление современных детей и подростков к покою мы наткнулись случайно уже лет двенадцать назад. И в прямом опросе о выборе желанных качеств личностного поведения, и в предпочтении произведений искусства в тестовых заданиях, ориентированных на другую задачу.

В одном из ранних тестов мы спрашивали детей трех возрастов, где бы они хотели оказаться, предлагая выбор между усадебным пейзажем М.И. Лебедева и космическим пейзажем современного художника М. Мукия. Даже допуская неосознаваемое влияние большей художественной ценности репродукции картины М. Лебедева и ее большую эмпатийную манкость, мы не предполагали столь очевидного предпочтения детьми всех возрастов мягкой гаммы и нарочитой обыденности его мирного усадебного пейзажа. Рискованность и динамизм космического пейзажа предпочли тогда (сегодня их еще меньше) только от 27% младших до 35% старших детей. Среди отчаянных представителей предкризисного возраста 12–13 лет набралось сторонников «езды в неизвестное» больше 34%. Все остальные пожелали очутиться в парке, на природе, на солнышке, потому что там «спокойно». А выбирая тогда же между фрагментами из «Весны» А. Вивальди и драматическим фрагментом из «Прелюдов» Ф. Листа, предлагаемыми, как всегда, «анонимно», последний предпочли только в среднем около 20%, а остальные выбрали Вивальди. Наконец, выбирая наиболее понравившийся пример из трех «женских головок» (по моей гипотезе, эволюции «ангельской» женской головки в живописи), большинство и младших, и семиклассников (47%) предпочло фрагмент (голову) «Мадонны со щегленком» Рафаэля столь популярной относительно недавно Жанне Самари (из погрудного портрета) и современному изображению Ассоль (художник – Ю. Масютин) с большими голубыми глазами и романтически встрепанными волосами. По каким мотивам, по словам детей? Все по тем же. Она (Мадонна) – «какая-то спокойная, и нарисована спокойно, а эта (Самари) – в каких-то пятнах и чем-то встревожена». По словам многих детей, нравился именно покой рафаэлевской Мадонны, но, может быть, это и есть случай, когда радость или грусть – неважно, а слышится классическая ясность и вневременная гармония?

А мы всё сетуем, что современные дети не способны к рефлексии, все куда-то спешат, бегут. Может, уже набегались? Не все, конечно, но всем и нельзя остановиться, философов много не надо.

В другом, уже учебном задании мы наткнулись на безусловное признание третьеклассниками «Отдыха по пути в Египет» К. Лоррена, потому что там «покой мира». Теперь часто встречается в откликах детей слово «умиротворение». Они находят его и в пейзажном отрывке из «Казачков» Л. Толстого, и в картине А. Ватто «Отплытие на остров Киферу».

Психологические основания такого стремления к стабильности и удобству – не только лень и требование более легкой жизни (душевной в том числе), но и общая мечта даже совсем юных о «покое». Нестабильность жизни в целом, и взрослых, и детей, постоянное ощущение или предвкушение кризиса обуславливает такое стремление к постоянству, к уверенности, что завтра будет не хуже, чем сегодня, и что от них, сегодня пятнадцати-семнадцатилетних, не потребуют завтра встать под ружье или выйти на митинг с безразличными для большинства лозунгами. Последнее, не всегда осознанно, иногда связывается в представлении старших подростков с давлением государства, которое они предлагают, например, не брать в «новую школу» в качестве, как выразился один из них, «остатков СССР».

Свобода

Условно вторая актуальная сегодня мировоззренческая ценность – свобода. Как она участвует во вкусовом предпочтении того или иного произведения искусства в нашем сегодняшнем «безобидном» исследовании развитости художественного вкуса?

Среди первых поэтических тестовых заданий для младших школьников был тест сравнения трех стихотворений «о птичках»: В. Туманского (Вчера я растворил темницу...), Б. Пастернака («Насторожившись, начеку...») и Я. Полонского («Пахнет полем воздух чистый...»). Абсолютным победителем стал Полонский. Не всегда – из-за свободы. Но высказывались дети по этому поводу пространно и с удовольствием: «Это про волю, как можно быть свободной в небесах»; «она свободная, ею никто не управляет, и ничего ей не угрожает. («А ты хочешь быть свободным?») – спрашиваю я. «Я? – 50 на 50. Свобода – это одиночество», – говорит девятилетний мальчик, но таких мудрых мало). Стихотворение Туманского – прямо об этом, но восторгов было гораздо меньше. В принятии этого стихотворения помогла только ценность свободы. «Вот когда он растворил темницу, уже чувствуется свобода в этих строчках»; «такое ощущение, как будто я сижу в запертом пространстве, а потом дверь открыли и можно лететь в небо». Большинство же младших вообще было возмущено человеком, который кого-то посадил в

темницу. Соображение, что он же ее открыл, помогало редко, потому что и сажать, по мнению детей, не надо было.

Старшим тест «о птичках» не предлагался, но они, со своей ценностью свободы, отыгрались на других художественных текстах, иногда вовсе не на это преимущественно рассчитанных. Есть редкие эмоции счастья свободы как бегства от надоевшей цивилизации. Девочку-десятиклассницу устраивает изысканно задорный образ девушки из «Машеньки» В. Набокова, потому что «образ теплый, валяться с ней на траве, далеко от цивилизации, это хорошо».

Ближе всего к теме свободы в наших тестах оказался, по мнению детей, «Поэт! Не дорожи любовью народной», хотя первого места (в тестовом задании) он не занял. Победило нехитрое стихотворение К. Бальмонта. Вставив это стихотворение в тестовое задание, я подозревала, что его мировоззренческий посыл будет воспринят «отдельно» от поэтического стиля, насколько это возможно. Я понимала также, что провоцирую юных современных читателей на такое «отделение» темы (содержания?) от формы, уж очень это оказывалось просто и соблазнительно. И, обманывая сама себя, я хотела услышать именно то, что услышала: насколько подростки купятся на призыв к «индивидуализму», к самодостаточности, сочтя Пушкина своим современником. Они и купились, и не мне их винить.

Раз стихотворение Пушкина не заняло первого места, значит, высокие эстетические критерии вообще «не сработали». И получается, что подростки, отрицавшие эту поэзию за сложность или пафосность, оказались более чутки к ее звучанию, чем те, кто спецификой стилевой подачи «смысла» пренебрег. Наиболее близки к Пушкину, по «мысли» конечно, соображения детей, что речь идет о творческой свободе. «Художник сам себе судья. Но для некоторых это важно, они зависят от других»; «Это диалог с самим собой о том, как другой поэт попал в похожую ситуацию, а нельзя было свои мысли высказывать. Надо усовершенствовать то, что можешь, а твой труд никто лучше тебя не оценит. И не надо слушать тех, кто завидует»; «очень серьезное наставление о том, что твой труд – это твое личное дело, не нужно знать мнение остальных. Вот тот же Пушкин, его в ссылку сослали за то, что был против крепостного права... (Разве? – *Е.Т.*), ну, или из-за декабристов...».

Большинство детей считает, что поэт призывает к независимости от других вообще, и им такой «индивидуализм» нравится. «Про свободу, а сегодня все прогибаются; Награда в самом себе – с духом свободы»; «Это Пушкин? Он подчеркивает человеческий индивидуум, свободу, независимость»; «Работай как тебе нравится, не смотри на других»; «Слушай свое мнение, не стоит прогибаться ради толпы».

Появление темы «звездной болезни» в «наказе» Пушкина меня поразило. Оказывается, «нельзя зависеть от мнения общества, даже если ты – знаменитый человек. Ведь не надо звездной болезни, т. е. не надо ставить себя выше людей; должен делать так, как ты хочешь, а слава-то пройдет». Есть и сомнения: «Ты – царь, живи один... Нет, не так, если ты сделал хорошее дело, то ты сам это знаешь, Есть похвала – хорошо, нет – так нет». «Не понял... А-а, это если народ бранится, то неважно, а люди, которые на ступень выше, – те понимают». Или: «Художник не может отдельно...». «А Пушкин? – спрашиваю я». «Пушкин? Может». (Подробнее об этом и о литературных вкусах современных детей вообще в книге: Е.М. Торшилова, И.А. Жбанкова, Н.Д. Пучкова «Я и Пушкин. Развитие литературных вкусов современных детей и подростков». М., ИХО РАО, 2011)

И наконец я вдруг услышала от очень умной десятиклассницы признаки амортизации лозунга «свободы». Сказано было в связи с Пушкиным, уверенно и крайне эмоционально: «А кто это написал? Как-то с моей душой не резонирует. И потом эта свобода, свобода – все современные субкультуры пропагандируют эти мысли, надоело это».

Пейзажный отрывок из «Казачков» Л. Толстого набрал крайне мало сторонников, оглушительно проиграв сладкому и пустому описанию радостно одинокой березы М. Бубенновым (был такой советский писатель). Но редкие подростки, и только среди десятиклассников (для тех, кто младше и менее чуток, это только длинный, скучный, унылый и «некрасивый» текст) вдруг услышали в художественной манере Толстого как раз покой и свободу. В таких откликах трудно отделить ценность свободы как жизненную мировоззренческую ценность, заявленную прямо, от эстетической, вовсе не прямой ее подачи. Поэтому примеры такого прочтения я приведу в главке об эстетических ориентациях восприятия и вкуса.

Нашелся и такой «зритель», который о скромном пейзажике Левитана, серо-желтом, унылом, почти никем из наших детей не признанном (мои специалисты по живописи считают, что это справедливо) заметил: «Нравится, потому что ощущение свободы...».

Счастье

Теперь счастье. Смешно было бы долго распространяться на тему узости эстетической реакции детей, предпочитающих счастье, радость, свет – грусти, темноте, отчаянию. Прямо (но вовсе не просто) о счастье в нашем тестовом наборе было только стихотворение Г. Иванова «Над закатами и розами...». В конкуренции с ним – неудачное, но о счастье стихотворение К. Р. и тревожно-трепетное «Жду я, тревогой объят...»

стихотворение А. Фета. В этом тесте безоговорочно, во всех возрастных группах, побеждает Иванов с аргументацией, что стихотворение «о счастье». Что «мировоззренчески» говорят дети и подростки о стихотворении Г. Иванова «Над закатами и розами...»?

Четвертые классы – о том, что «самое главное – счастье, оно с небом связано, с чем-то высоким». Семиклассники говорят, что счастье описано безграничное, незамкнутое, счастье кому-то навек, кому-то – нет. Они говорят, что от счастья тепло в душе, все становится неважно, кроме причины счастья. В десятых классах говорят, что «это не только радость, но есть горечь, и это завораживает» Или более рассудительно: «Красиво про любовь написано, сама идея понравилась: ревность и ожидание в обычной жизни – мучение, а когда любишь – это счастье, данное Богом». А противники этого стихотворения думают, что «любовь – это, конечно, счастье, но не обязательно в любви мучаются».

Ценности «свободы» в материале наших тестовых заданий (кроме темницы у Туманского) не было альтернативы. Счастью, радости, конечно, была. И у большинства детей и подростков «грустные» стихотворения и картины, как правило, проигрывали. Независимо от их эстетических достоинств? Без слышанья, что амбивалентность грусти – радости и есть первостепенное эстетическое достоинство? Не у всех и не всегда. Но у большинства – всегда. Особенно если эта минорная интонация внешне педалируется.

И, конечно, наиболее депрессивно, по мнению детей, другое стихотворение Г. Иванова («Потеряв даже в прошлое веру...»). И никакие красоты слога не помогли. Младшие говорят, что уехать на остров – это бросить всех родных, что человек думает только о себе, а не о доме. Говорили мне и что от мамы нельзя ничего скрывать. Старшие почему-то (я в этом стихотворении такого не слышу), во имя современного оптимизма и ценности активности, что ли, полагают: стихотворение это о том, что не надо отчаиваться. «Потеряв даже в прошлое веру...», ты можешь исправить всё, тут намекается на то, что всегда есть выход, сдаваться никогда нельзя. Как бы типа веры в себя». (Где это?!). Или уже учат самого героя: «У автора плохое настроение; даже потеряв веру, надо жить нормально» (и стихотворение ставится девочкой на последнее место). «Нет, это значит, ты стал один, но пытаешься выжить». Есть и философские выкладки девочки, которая вообще к этому склонна: «Создается ощущение, что этот человек лишний в мире. Стихотворение очень трогательное, вызывает сопереживание именно эта тема, т. к. таким людям (с таким душевным миром) сложно в нашем мире». Но большинство не мудрит и слышит у Г. Иванова только смерть и грусть. Эстетическое подозрение, что это мираж или

игра (или я ошибаюсь в восприятии данного стихотворения, да и вообще Г. Иванова), не слышится или перекодируется детьми в чувство надежды. Но и это у очень немногих.

Поэтому же не нравится Левитан *(эскизный набросок осеннего пейзажа): «Тут хмуро, сейчас дождь пойдет»; «Всё отцвело»; «...в общем дождь, плохая энергия»; «Сумрачно, дует ветер, предвещает что-то плохое, голые деревья»; «Мрачная и смазанная, мысли в голову непонятные приходят»; «Серая, небо пасмурное, жухлая трава»; «Темная, затуманенная, похоже как после сражения, недалеко от поля боя»; «В ней есть что-то, но настроение, которое она передает, не нравится»; «Скука, тоска, автор изобразил печаль». Один четвероклассник, отрицая Левитана, сообщил: «здесь такое разбушевание (слово-то какое – Е. Т), нервное, можно сказать».

Зато, к нашему великому счастью, кроме признания радости любви у Г. Иванова «Над закатами и розами...», в семерку «чемпионов» общего рейтинга вкусовых предпочтений подростков попадает «Анна Каренина» (откуда фрагмент, никто не знал). Защищать реализм, психологизм, вневременную вечность переживаний его героев, точность и меру лаконизма проникновения в них мне не по чину. Просто поклониться. А защитили его дети. Современники двадцать первого века, не склонные к грусти и глубине эмоций, не уважающие тонкость чувств, не способные к рефлексии и вообще активисты и прагматики. Но многие и многие из них сообщили, что у них тоже так было (как у Анны в приведенном фрагменте) и хотелось бы еще. Что еще скажешь.

Пожалуй, принятый мной принцип делить отклики подростков на мировоззренческие и эстетические в этом случае наиболее сомнителен. Они неразрывны. В том и специфика классического искусства как идеала единства формы и содержания. Тем более когда это Л. Н. Толстой.

Я понимаю также, что и детям и мне высказаться о эстетических достоинствах Толстого в выбранном мной понимании бесконечно сложно. Я даже смею заметить, что и литературоведение чаще занимается анализом его мировоззренческих позиций, ограничиваясь соображением, что он «великий реалист». И все-таки я отношу соображение подростка, что «у меня тоже так было» к психологическому, пусть вневременному, реализму.

Предложенный детям для вкусовой оценки фрагмент из «Анны Карениной» я просто приведу: «Когда он оглянулся, она тоже повернула голову. Блестящие, казавшиеся темными от густых ресниц серые глаза дружелюбно, внимательно остановились на его лице, как будто она признавала его, и тотчас же перенеслись на подходившую толпу, как бы ища кого-то. В этом коротком взгляде он успел заметить сдержанную оживленность, которая играла в ее лице и порхала между блестящими глазами и чуть заметной улыбкой,

изгибавшею ее румяные губы. Как будто избыток чего-то так переполнял ее существо, что мимо ее воли выражался то в блеске взгляда, то в улыбке. Она потушила умышленно свет в глазах, но он светился против ее воли в чуть заметной улыбке».

Вот отклики наших подростков: «Любям не положено любить друг друга. Но они хоть и тушат огонек в глазах, а он не гаснет (как в «Ромео и Джульетте»)»; «Представляется, так сказать, немой диалог между двумя людьми. Они смотрят друг на друга, и им не нужно слов, чтобы что-то сказать»; «Ситуация похожа на жизнь и описана она, как это происходит на самом деле, нет украшающих эпитетов, т. е. самое то»; «Безмолвный разговор за пару мгновений буквально»; «Хочется пережить, что герои переживают»; «У меня тоже так часто бывало. Мне это знакомо».

Есть и критика: «Слишком много лишних эмоций». Или: «Текст застенчивый и потому красивый; Описание очень тонкое, но женщины, которая воспринимает все очень близко к сердцу». Но такой критики немного.

Добро

Чемпионом по доброжелательности оказалась прижимающая к себе собаку девочка Д.Рейнольдса (фрагмент картины). Аргументы в ее защиту даже приводить не стоит. Столько всего (и в основном вполне справедливо) насочиняли дети о доброте девочки, спасшей собаку, о доброте собаки, спасающей заблудившуюся девочку (они просто сидят под деревом), о сиянии ее глаз, нежности рук и т.д. Все это верно (кроме фабульных фантазий) и справедливо. Показателен сразу выделяемый детьми контраст между «милотой» этой девочки и сухостью или безразличием девочек на других картинах (Ж.Б.Перонно и А.Шилова).

Странно современный вариант ценности добра – принятие картины А. Ватто «Отплытие на остров Киферу». На младших детей она не производит впечатления. Но с возрастом созерцателя ее шансы растут. И настойчиво возникает сюжет рая, благодати и ангелов-хранителей, вплоть до их явления как наказания, что нужно быть честными и не предателями. Семиклассники полагают: «По народу можно определить, что они с корабля, они приехали, устали, все с детьми, и их ангелы оберегают»; «Люди сходят с корабля – похоже, что это спасение. Может быть, ангелы на мачте вывели их на какой-то берег»; «Ангелы ассоциируются с какой-то защитой, с чудом»; «Наполнена одухотворенностью, много ангелов, символ божества, спокойствия, ангелы помогают людям»; девятый класс: «с Божьей помощью этот корабль построен, это символизируют ангелы. Возможно, стройка корабля очень сложно происходила, но с божьей помощью получилось построить корабль этот, и люди здесь как на празднике». И десятиклассники: «Яркая, очень красивая картина, есть доброта» И, наконец: «Художник, – говорит Алена Ш., – хотел передать, что

в мире ангелы существуют и нам нужно стремиться быть такими же невинными, как они, как дети, быть очень чистыми, открытыми друг другу, не лгать, не предавать, т. е. стремиться к райскому блаженству».

В целом художественный вкус в восприятии литературы достигает 44% успешности в четвертых классах, падает до 36 % у семиклассников и снова поднимается до тех же 44% (но тест усложнен восприятием и оценкой художественной прозы) у десятиклассников. Такой успех в восприятии литературы (прежде всего – поэзии) переворачивает устоявшееся в общественном мнении представление о равнодушии к литературе. Думается, что дело не в нежелании детей читать и в их неумении отличить хорошую литературу от плохой, а в намеренно заниженном социокультурном предложении литературы – «массе».

«Живописный» вкус развит на уровне трети его успешности у младших детей, 43% – у семиклассников и больше 50% – у старшеклассников. Связано ли это с большей успешностью эстетического развития в одной из изучаемых нами школ, с преобладанием и значимостью визуальной информации в современной культуре, с культурой общего дизайна и любовью к киноискусству, больше, чем к литературе, – тема отдельного исследования.

Оценивая уровни развитости художественного вкуса десять лет назад, я упрекала растущих сегодня детей в стремлении к более быстрым, чем классическое искусство, ритмам жизни, к беспроблемности, в душевной лени, в нелюбви к чтению. Но сейчас я бы так не написала. И надоело, и справедливо только в каком-то самом общем смысле, не приложимом целиком ни к одному реальному Ване Дворецкому или Лизе Козловой. Кстати, поэтому при отрицательной оценке общего и эстетического развития современных детей и подростков с нами редко согласны учителя, которые работают с реальными детьми и знают их отдельно, а не «вообще».

Кроме того. Наверное, ситуация тестирования подростка незнакомыми людьми, которые велят читать стихи, думать о прочитанном и как-то отзываться, непривычна и трудна, и тем самым успех в такой ситуации, да еще не простого, а эстетического отклика чрезвычайно проблематичен. Но протестов почти не было, а удовольствия и интереса вполне достаточно. И отзываються дети об искусстве иногда очень удачно. Не хуже нас. Значит, снова повторяю, дело не в спросе, а в предложении?

Ради истин признания счастья и покоя не стоило затевать долгое тестирование? Помоему, стоило, потому что все примеры этих ценностей в классических одеждах, т. е. в их эстетической целостности и соразмерности, безусловно, переигрывают в восприятии детей их подделку в массовой версии. Глубина, эмоциональная тонкость, мягкость и

пастельность манеры классической поэзии, прозы и живописи слышатся и не отвергаются подростками, не кажутся им ложью, обманом, стариной. Иногда только кажется пафосностью и «недемократизмом».

Правда, если классика депрессивна, вносит смятение или непонятна, заумна, то она проигрывает самым примитивным подделкам, на самом деле – пустым, но внешне позитивным, ярким, добрым, с хорошим финалом и благородством поведения героев. Значит, стоит предлагать читать гармоничную «классику», а не «Ваньку Жукова», «Гуттаперчевого мальчика» и «Детей из подземелья».

Счастье устами героя Г. Иванова останавливает и завораживает. Реальность и знакомость, при всей их изысканности, чувств Анны и Вронского покупает, а насколько же ценнее чувствовать (пусть не отдавая себе в этом отчета) свою синтонность с героиней Толстого, чем с девушкой из телесериала. А уж обаяние девочки с собакой Рейнольдса (казалось бы, совсем простого реалистического портрета) побеждает позирующую куклу-подделку А. Шилова без всяких усилий и хитрых приемов.

Поэтому, по-моему, в целом всё в гораздо большем порядке, чем принято считать. Возможно, мы ошибаемся. Но ведь фанатичных любителей поэзии всегда было меньше, чем любителей торта «Птичье молоко», крышку которого мы вставили в тест в качестве псевдонатюрморта. И победило «Птичье молоко» не у всех, а это уже хорошо. Не правда ли?

Литература

1. Алексеева Л.А. Эволюция художественно-эстетического образования на старшей ступени школы. М.: Спутник+, 2009.
2. Беленькая Л.И. Дети – читатели художественной литературы. М.: Русская школьная библиотечная ассоциация, 2010.
3. Гуткина Э.И. Дети и стихи: методическое пособие. М.: ВЦХТ, 2005. (Сер. Я вхожу в мир искусства).
4. Кашекова И.Э. Создание интеграционного образовательного пространства школы средствами искусства. М.: Изд. дом РАО, 2006.
5. Торшилова Е.М. Общая одаренность и педагогика искусства. М., 2009.
6. Торшилова Е.М., Жбанкова И.А., Пучкова Н.Д. «Я и Пушкин. Развитие литературных вкусов современных детей и подростков». М.: ИХО РАО, 2011.